

ЛАВКА НЕВОЗМОЖНЫХ ЖЕЛАНИЙ

ЛАВКА НЕВОЗМОЖНЫХ ЖЕЛАНИЙ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Лавка невозможных желаний

<https://litres.ru/74670019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася Берестова наследует лавку на улице Медников, где вместо товаров продаются возможности исполнить самые сокровенные желания. У каждого желания есть честная цена — но кто-то в Сольвинске научился выставлять счёт совершенно другим людям. Пока строгий инспектор Даниил Вельский пытается закрыть магазин, Ася берётся за первый заказ и обнаруживает след исчезнувшей тёти. Успеет ли она спасти лавку, не став новой хозяйкой чужих судеб?

Алёна Северина

Лавка невозможных желаний

Глава 1. Письмо на стекле

Письмо было адресовано человеку, который никогда не получал писем от тёти Аглаи.

Ася Берестова обнаружила его утром, когда собиралась окончательно вывезти инструменты из московской мастерской. На полу лежали свёрнутые в старые простыни витражные стёкла, у стены стоял ящик с латунными рамами, а возле двери — чемодан, в который не помещалась половина её жизни. Письмо лежало поверх всего этого без конверта, словно кто-то нарочно оставил его на самом видном месте.

Бумага была плотная, слегка шероховатая. По краю тянулась узкая полоса синего цвета. В центре, выведенное чернилами, стояло:

«Асе. Вручить, когда она поймёт, что чинить чужие окна — не единственное, чем можно заниматься с собственными руками».

— Очень своевременно, — сказала Ася пустой мастерской.

У неё как раз не осталось окон, которые можно было чинить за деньги. Заказчик большого ресторанного проекта от-

казался от готовых витражей, арендодатель выставил новый счёт, а человек, с которым Ася прожила три года, назвал происходящее «возможностью наконец перестать заниматься несерьёзным ремеслом». После такого заявления она обнаружила, что расставаться можно удивительно спокойно. Возмутило её только слово «несерьёзным».

Она попробовала перевернуть письмо. На обороте оказался адрес: Сольвинск, улица Медников, дом семь.

Ася не была в Сольвинске шестнадцать лет.

В детстве тётя Аглая брала её к себе на лето, чтобы мать могла работать без бесконечных командировок между двумя больницами. Ася помнила море с каменными лестницами, крутые улицы, на которых ноги всегда болели на следующий день, запах горячих орехов и маленькую лавку, где за прилавком стояли бутылки с прозрачными пробками. Помнила почти всё, кроме того, чем именно торговала тётя.

Последний разговор состоялся, когда Асе исполнилось двадцать четыре. Аглая позвонила узнать, почему племянница не приехала на каникулы. Ася объяснила, что у неё новая работа и хорошие перспективы. Тётя сказала, что хорошие перспективы иногда становятся замечательными оправданиями, чтобы никуда не ехать. Ася обиделась. Аглая прислала открытку с видом на море; ответа не получила.

Год назад она исчезла.

Так сказала мать. Не умерла, не уехала, не сбежала — исчезла. В городских бумагах значилось «местонахождение не

установлено». Семья пыталась искать, но официальные ответы были одинаковыми. Ася собиралась поехать в Сольвинск, потом случился большой заказ, потом расставание, потом закрытие мастерской. Каждое событие казалось достаточно уважительной причиной отложить поездку ещё на месяц.

Теперь письмо лежало перед ней.

Внутри оказалось два листа. На одном — копия документа о передаче в собственность небольшого помещения на улице Медников. Дата регистрации стояла прошлогодняя, ещё до исчезновения Аглаи. Во втором тётя писала от руки:

«Я оформила лавку на тебя, Ася. Не пугайся слова "собственность". Она не потребует от тебя ничего, чего ты сама не захочешь отдать. Если это утверждение окажется неверным, первым делом проверь книгу за прилавком. Никогда не обещай покупателю, что сделаешь его счастливым. Мы можем показать дорогу, но не имеем права выбирать, куда человеку идти.

И ещё. Если к тебе придёт мужчина, который будет смотреть на витрину так, будто она нарушает городской устав, не называй его сразу врагом. Он ошибался раньше. Возможно, поэтому теперь умеет спрашивать о цене.

Аглая».

Ася прочла письмо дважды. Потом ещё раз посмотрела на дату дарения.

— Ты хотя бы могла предупредить, — сказала она.

В пустой мастерской никто не ответил.

Звонок раздался через минуту.

— Асенька, — произнесла мать, — мне нотариус сказал, что на твоё имя пришло уведомление из Сольвинска. Ты его получила?

— Получила.

— И что?

— Оказывается, у меня есть лавка.

Мать вздохнула так тяжело, будто Ася сообщила о внезапном приобретении медведя.

— Ты же знаешь Аглаю. Она всегда делала всё по-своему.

— Ты знала, что она переписала помещение на меня?

— Знала только, что она собиралась. После исчезновения я не хотела беспокоить тебя, пока документы не проверят. Там какие-то странные городские ограничения. А теперь, получается, всё готово.

Ася посмотрела на разбросанные инструменты.

— И что мне с этим делать?

— Решить самой, — неожиданно ответила мать. — Только не принимай решение из-за того, что у тебя неприятности с работой. И не из-за чувства вины перед Аглаей.

Ася молчала. Она собиралась произнести именно эти два довода.

— Если поедешь, позвони, когда доберёшься, — добавила мать. — И не думай, что обязана оставаться там. Помещение можно продать, сдать, закрыть на год. Оно твоё.

После разговора Ася сложила письма в сумку и вернулась

к витражу на столе. На прозрачном стекле была тонкая трещина: идеально ровная, почти невидимая под прямым углом. Чтобы исправить её, требовалось разобрать всю композицию. Заказчик отказался оплачивать дополнительную работу, потому что «на расстоянии не видно».

Ася провела пальцем рядом с трещиной, не касаясь края. Последние месяцы она всё время делала вид, что не видит собственных трещин. Может быть, стоило наконец перестать.

К вечеру билет до Сольвинска был куплен.

* * *

Сольвинск встретил её дождём и запахом карамели.

На вокзальной площади продавали горячие орехи в бумажных пакетах, такси спорили с пассажирами о коротких поездках, а над крышами старых домов поднималась ратуша с четырьмя циферблатами. Улицы шли вверх и вниз так решительно, будто город строили люди, которые не любили прямых линий.

Ася вышла с чемоданом на мостовую и попыталась открыть карту. Телефон показал, что улица Медников находится в семи минутах ходьбы. Это наверняка означало семь минут для человека без чемодана, без дождя и без чувства, что он едет по чужой биографии.

К третьему подъёму ручка чемодана заела.

— Прекрасно, — сказала Ася, наклоняясь к ней. — Очень символично.

— Если потянуть правую кнопку и чуть повернуть, работает.

Она подняла голову.

Рядом стояла девушка с коротким светлым каре, в зелёном плаще и с целой охапкой мокрых хризантем. Лицо показалось Асе знакомым, но не сразу сложилось в имя.

— Тася?

Девушка прищурилась.

— Ася Берестова? Та самая, которая в двенадцать лет раскрасила витрину Аглаи гуашью и уверяла, что это новая техника реставрации?

— Мне было одиннадцать.

— Это многое меняет.

Они обнялись очень осторожно, стараясь не раздавить цветы и не уронить чемодан. Тася Рябинина пахла дождём, свежесрезанными стеблями и чем-то сладким.

— Я видела тебя у вокзала и сначала не поверила, — сказала она. — Приехала за лавкой?

— Похоже, да. Ты всё ещё живёшь здесь?

— У меня цветочная мастерская по соседству. Если Аглая не слишком часто рассказывала тебе о своих соседях, представляю, какой сюрприз.

— Аглая вообще многое не рассказывала.

На лице Таси на секунду появилось выражение, которого Ася не ждала: тревога, почти испуг. Потом девушка улыбнулась и взяла ручку чемодана.

— Пойдём. Покажу короткую дорогу.

Они шли по узким переулкам, где над входами висели медные фонари, а в окнах цокольных мастерских горели жёлтые лампы. Тася успела рассказать, что старый рыбный рынок перестроили, у ратуши поменяли часы, а пекарня напротив лавки теперь продаёт лучший хлеб с розмарином. Она много говорила о соседях, но обходила стороной один вопрос: что произошло с Аглаей.

Ася заметила это уже на улице Медников.

— Ты её видела перед исчезновением?

Тася остановилась.

— Видела. За неделю до того. Она сказала, что скоро придётся закрыть один очень старый долг. Я подумала, речь об аренде или ремонте. Она всегда помогала людям и иногда забывала брать деньги.

— А потом?

— Потом однажды утром лавка была закрыта. Ключа снаружи не оказалось. Полицейские осмотрели помещение, ничего необычного не нашли. Глеб — он стеклодув, друг Аглаи — очень рассердился, когда они пытались забрать старую книгу. Сказал, что она принадлежит не учреждению, а тому, кто указан владельцем.

— Мне?

— Наверное.

Ася почувствовала, как мокрый воротник холодит шею.

— И ты ничего больше не знаешь?

Тася посмотрела прямо на неё.

— Знаю, что Аглая не была беспомощной старушкой. Если она закрыла лавку и оставила тебе документы, то, скорее всего, хотела, чтобы ты могла открыть её сама. Но я не стану придумывать, куда она ушла.

Ответ был слишком честным, чтобы на него обидеться.

Они остановились у дома семь.

На первом этаже старого каменного здания находилась небольшая витрина в восемь цветных секций. В центре — круг из янтарного стекла; по краям — глубокий синий, изумрудный, фиолетовый, медовый и прозрачный. Над дверью висела вывеска без слов, только медный колокольчик в обрамлении тонких ветвей. Витрина казалась тёмной, пока мимо не проехал трамвай и его фары не поймали стекло. Тогда по мокрому тротуару легли полосы цвета спелой вишни и летней травы.

Ася невольно улыбнулась.

— Вот это я помню.

— Помнишь, как разбила один сегмент?

— Я его не разбила. Я уронила на него банку с краской.

— Уверена, стекло оценило различие.

По соседству действительно была цветочная лавка, из окна которой выглядывали большие листья монстеры и сухие ветки эвкалипта. Тася поставила хризантемы под навес.

— Я могу остаться, если боишься заходить одна.

Ася достала ключ, вложенный в письмо. Он был самым

обычным: латунный, тяжёлый, с почти стёртыми бороздками.

— Мне кажется, я должна сначала посмотреть сама.

— Тогда я рядом. Если понадобится чай, еда, лестница, молоток или свидетель того, что ты не сошла с ума, заходи.

— Очень широкий ассортимент.

— Цветы нынче плохо продаются без дополнительных услуг.

Ася поблагодарила её и повернула ключ.

Замок открылся с первого раза.

* * *

Внутри пахло сушёной лавандой, пылью и корицей.

Лавка была меньше, чем в памяти. Несколько деревянных полок занимали одну стену; на них стояли стеклянные флаконы без этикеток, закрытые шкатулки, старые карты, коробочки с пуговицами, пожелтевшие открытки. За дубовым прилавком висело большое зеркало в деревянной раме. Ася проверила его почти автоматически: отражение совпадало с тем, что находилось перед стеклом, ничем не отличаясь от обычного. На другой стене висели часы, остановившиеся без семнадцати минут девять.

На полу не было следов недавнего посещения. Но на століке у окна стояла чистая чашка, перевёрнутая на блюде, а рядом лежала аккуратно сложенная салфетка. Словно хозяйка вышла ненадолго и попросила покупателей вернуться позже.

Ася закрыла дверь и повесила куртку на крючок. Медный колокольчик звякнул коротко, без обычной дребезжащей ноты.

— Ну здравствуй, — тихо сказала она.

На прилавке лежала книга в зелёном переплёте. Не просто старая тетрадь, а настоящий тяжёлый том с металлическими уголками. На корешке не было названия. Ася подняла книгу и обнаружила под ней записку:

«Не открывай на последней странице. Начинай с первой, как нормальный человек. Ты всегда пыталась узнать конец истории раньше, чем познакомишься с героями».

Она рассмеялась. Это была Аглая. Ни один нотариус на свете не мог бы составить столь обидное и тёплое завещание.

На первой странице стояло: «Лавка возможностей. Правила для нового хозяина». Ниже — семь коротких пунктов. Каждый казался очевидным, пока Ася не попыталась представить, зачем кому-то специально записывать такое.

«Нельзя желать за другого».

«Нельзя заставить любить».

«Нельзя вернуть вчера».

«Цена известна до выбора».

«Возможность не является обещанием исхода».

«Каждый вправе отказаться».

«Хозяин лавки тоже человек».

Последнее было подчеркнуто дважды.

Ася перелистнула страницу. Там значились имена, даты,

небольшие описания желаний. Многие записи заканчивались словами: «Не заключено», «Клиент передумал», «Отказ без взыскания». Рядом с несколькими договорами стояли аккуратные отметки о выполненных обязательствах — принести справку, провести месяц в работе над примирением, отремонтировать чужую вещь с согласия владельца.

Ася нахмурилась. Книга выглядела не как журнал магазина, а как странная смесь психологического дневника и бухгалтерии.

Она открыла ещё одну страницу.

«Лиза Протасова. Желание: снова услышать голос матери. Статус: приостановлено до свободного уточнения. Цена не назначена».

Под строкой, выведенная другим, более холодным почерком, появилась приписка:

«Плата взыскана по городскому порядку. Ожидание закрыто».

Ася коснулась пальцем бумаги. Чернила в приписке были темнее, чем в основной записи. И подпись отсутствовала.

— Как можно взыскать плату, которой нет? — спросила она.

Где-то над прилавком тихо звякнуло стекло.

Ася подняла голову.

В витраже загорелся янтарный сегмент. Не целиком — словно за стеклом пронесли маленькую свечу. Остальные секции оставались тёмными. Потом свет сдвинулся и лег

на пол в виде вытянутого прямоугольника. Внутри золотой полосы на секунду возникла картинка: деревянный стол, старый магнитофон и чья-то рука, осторожно нажимающая кнопку.

Ася моргнула.

Изображение исчезло.

Она обошла прилавок, подошла к витрине, проверила улицу. Снаружи не было ни фонарика, ни проектора. В соседней цветочной лавке Тася переставляла растения и даже не смотрела в её сторону. Ася присела, чтобы осмотреть стекло под другим углом. Янтарный сектор был обычным цветным стеклом, немного потёртым у края.

— Или я окончательно не выпалась, — сказала Ася, — или здесь очень дорогая система подсветки.

Сверху послышалось сдержанное шуршание.

На высокую полку взобрался чёрно-белый кот с надорванным ухом. Он посмотрел на Асю так, будто хотел выставить ей счёт за слишком громкое недоумение. Потом спрыгнул на прилавок и уселся возле зелёной книги.

— А ты кто?

Кот не ответил. Это было обнадеживающе.

Ася протянула руку; он понюхал пальцы и разрешил почесать себя за ухом. На его ошейнике висела латунная бирка: «Барс». С обратной стороны было написано: «Кормить по делу. Не слушать его требования о третьем ужине».

— Значит, хоть один здесь соблюдает правила, — замети-

ла Ася.

Барс громко мяукнул, совершенно не соглашаясь.

Вдоль стены тянулась узкая дверь в кладовую. За ней обнаружили ящики с бумажными пакетами, коробки старых этикеток и высокий шкаф, закрытый на отдельный ключ. На боковой панели шкафа висел небольшой стеклянный квадрат. В нём отражалась Ася и часть комнаты; ничего необычного. Но когда она повернула голову к двери, по стеклу прошла тонкая цветная полоска, совпадающая с янтарным сегментом витража.

На полу за шкафом виднелась медная планка. Ася провела по ней пальцем и обнаружила едва заметную гравировку: три перевёрнутых треугольника. Она видела похожий знак на полях зелёной книги, возле записи о Лизе.

У неё появилось неприятное чувство, что в мастерской она столкнулась с работой, где красивый фасад скрывает неверно закреплённую несущую деталь. Пока не знаешь, как устроено, можно любоваться. Стоит заглянуть глубже — понимаешь, почему вся конструкция держится на последней честной заклёпке.

Она вышла из кладовой, нашла выключатель и включила свет. Под потолком загорелись четыре небольших лампы. Витраж снова стал обычным стеклом. Кот недовольно спрыгнул с прилавка и скрылся под креслом.

Ася открыла чемодан. Достала рабочие перчатки, небольшой измерительный угольник, карандаш и блокнот. Затем

положила их на прилавок рядом с книгой.

— Так, Аглая. Начнём без магии. Если ты оставила мне помещение, значит, есть документы. Если там странные приписки, значит, кто-то их внёс. Если свет двигается без причины, значит, сначала нужно проверить освещение.

Она записала список действий. Навести порядок. Осмотреть витраж. Узнать у нотариуса статус ограничения. Найти Глеба, о котором говорила Тася. Спросить, где Аглая хранила ключи. Никому ничего не обещать.

В этот момент колокольчик над дверью звякнул.

Ася обернулась. На пороге стояла девушка лет двадцати пяти, в коротком тёмном пальто, с мокрыми волосами и тонким шрамом у подбородка. Она прижимала к груди старый кассетный магнитофон.

— Простите, — сказала незнакомка. — Мне сказали, что хозяйка вернулась.

Ася посмотрела на магнитофон, потом на зелёную книгу.

— Я только приехала. Если вы за заказом, пока не уверена, что могу помочь.

— Вы родственница Аглаи Берестовой?

— Племянница.

Девушка нервно улыбнулась.

— Тогда, может быть, вы знаете, что она сделала с моей записью?

— Какой записью?

— Голоса мамы. Я принесла магнитофон, хотела его от-

ремонтировать. Аглая сказала, что поможет найти человека, который может восстановить ленту. А потом пришла бумага из Палаты, где написано, что я уже получила исполненное желание и должна расплатиться. Но никто ничего не восстановил.

Ася почувствовала, как внутри всё становится холодным.

— Вас зовут Лиза Протасова?

Девушка отступила на полшага.

— Откуда вы знаете?

Ася повернула книгу так, чтобы Лиза могла увидеть собственную запись.

— Потому что здесь написано ваше имя. И две совершенно разные истории об одном заказе.

Лиза смотрела на строчки долго. Потом положила магнитофон на прилавок.

— Я не хочу возвращать маму с того света, — сказала она.

— Мне это уже пытались объяснять. Я только хочу услышать, как она смеялась на записи, которую сделал папа. Лен-та порвалась много лет назад. Я готова оплатить ремонт, если кто-нибудь скажет, сколько он стоит. Но я не готова отдавать в счёт какие-то вещи, о которых никто меня не спросил.

Слова были сказаны спокойно, почти деловито. Ася вдруг подумала, сколько сил потребовалось Лизе, чтобы объяснять их чужим людям, которые, вероятно, предпочитали красивую сказку о невозможном желании обычной работе с старой магнитной лентой.

— Сядьте, — сказала Ася. — Сначала давайте посмотрим, что действительно случилось.

Она достала из шкафа две чистые чашки, обнаружила в ящике чай и поставила чайник. Никакого волшебства не произошло. Вода зашумела обычным электрическим звуком, а Барс вылез из-под кресла, потому что услышал знакомое шуршание пакета.

Лиза осторожно поставила кассетник на стол. На крышке был кусочек старого скотча с надписью «Мамин день рождения». Ася заметила, что пластик треснул возле кнопки воспроизведения, но сама лента, вероятно, оставалась внутри.

— Я реставратор, — сказала она. — Не аудиоспециалист, но знаю, как легко уничтожить хрупкую вещь попыткой проверить её неподходящим способом. Поэтому мы не станем включать магнитофон сейчас. Найдём человека, который умеет работать с такими записями.

Лиза выдохнула, словно ожидала другого ответа.

— Аглая сказала почти то же самое.

— Значит, впервые за день у меня получилось сказать что-то полезное.

Они выпили чай и записали всё по порядку. Когда Лиза пришла впервые, что обещала Аглая, какие бумаги прислала Палата, подписывала ли она хоть что-нибудь. Девушка достала из сумки сложенный лист. Там стоял штамп, ровно три перевёрнутых треугольника, и фраза: «Стоимость исполнения перенесена в общий городской сбор».

Подпись Лизы отсутствовала.

— Вас просили подтвердить цену? — спросила Ася.

— Нет. Я ещё хотела подумать, отремонтировать ли ленту. Мне было страшно, что на ней почти ничего не осталось. А потом этот лист.

Ася перечитала приписку и вспомнила четвёртое правило книги.

«Цена известна до выбора».

— Тогда, по крайней мере, ясно, с чего начать. Мы выясним, почему с вас требуют плату, которую вы не соглашались вносить. И отдельно попробуем найти реставратора для записи. Это два разных вопроса.

Лиза подняла глаза.

— Вы правда так думаете?

— Думаю, что ваша мама не должна превращаться в чей-то бухгалтерский счёт.

Девушка впервые за весь разговор улыбнулась без напряжения.

Витраж за её спиной вспыхнул снова — на этот раз коротко, изумрудной полосой. Ася заметила свет, но не сказала ничего. Ей хотелось сначала закончить разговор, который действительно имел значение.

Когда Лиза ушла, за окном уже темнело. Ася долго стояла у двери, провожая её взглядом. Потом вернулась к прилавку и раскрыла зелёную книгу.

В строке заказа появилась новая запись, которой раньше

не было:

«Владелец желания уточнил предмет просьбы. Исполнение не начато. Взыскание оспорено».

Рядом с ней стояла дата сегодняшнего дня.

Никакого имени хозяина лавки книга не указала.

Ася села на высокий табурет. Она была достаточно взрослой, чтобы не пытаться убедить себя, будто новая строчка возникла из-за плохого освещения. И достаточно упрямой, чтобы не объявлять магию объяснением всего подряд.

За стеной Тася хлопнула дверью цветочной мастерской. На улице звенел трамвай, дождь шумел по водостоку. Сольвинск продолжал обычную вечернюю жизнь, словно лавка не сделала ничего невероятного.

Ася записала в блокноте ещё один пункт:

«Проверить, почему книга умеет фиксировать отказ раньше, чем городской реестр».

Потом добавила:

«Не продавать лавку завтра».

Она не знала, останется ли в Сольвинске надолго. Не знала, где Аглая и что означает дверь в кладовой. Не знала, почему при словах Лизы витраж показал магнитофон ещё до её прихода.

Но впервые за много месяцев Ася чувствовала, что её умение разбирать хрупкие вещи на части может понадобиться кому-то не ради красивого фасада.

Она закрыла книгу. Медный колокольчик над дверью тихо

звякнул без ветра.

На другой стороне витрины остановился высокий мужчина под тёмным зонтом. Он смотрел на цветное стекло, затем на прилавок, словно проверял, не нарушена ли какая-нибудь незнакомая Асе инструкция. Свет фонаря высветил его усталое лицо и выражение такой профессиональной досады, что Ася невольно рассмеялась.

Мужчина услышал смех. Посмотрел на неё, коротко кивнул и пошёл дальше, не пытаясь войти.

Ася вспомнила последнюю фразу тёти Аглаи.

«Если к тебе придёт мужчина, который будет смотреть на витрину так, будто она нарушает городской устав, не называй его сразу врагом».

— Поздно предупреждать, — сказала она пустой лавке. — Я уже решила, что он придёт с проверкой.

Барс прыгнул на прилавок и устроился на зелёной книге, придавив лапой страницу с именем Лизы. Ася вздохнула и осторожно сдвинула кота в сторону.

Впереди было утро, первое официальное обращение в Палату и множество вопросов, на которые Аглая не оставила удобных ответов.

Но до утра Ася собиралась наконец выспаться — в комнате над лавкой, где когда-то проводила летние каникулы, под шум дождя и медного колокольчика, который, похоже, имел собственное мнение о новых хозяевах.

Глава 2. Цена без цифры

Утром Ася обнаружила, что проснулась не от будильника, а от запаха выпечки.

Поначалу это показалось приятным, пока она не вспомнила, где находится. Комната над лавкой осталась почти такой же, как в детстве: косой потолок, маленькое окно с облупленной рамой, деревянная кровать, на которой матрас был твёрже городской мостовой. Под стеклом старого комода лежала открытка с нарисованным парусником. На стене висела фотография, где одиннадцатилетняя Ася щурится на солнце, а Аглая держит её за плечи, не пытаясь заставить улыбнуться.

Ася села и несколько секунд смотрела на фотографию.

— Почему ты оставила мне ключ, но не оставила хотя бы адрес, по которому тебя можно найти? — спросила она.

Ответа, конечно, не последовало.

Зато снизу раздался требовательный звук: Барс добивался завтрака.

Ася спустилась в лавку босиком. На прилавке лежала зелёная книга, которую она вчера закрыла, а теперь она была открыта на странице Лизы Протасовой. Ася не стала сразу подозревать чудо. Кот вполне мог задеть обложку лапой. Под раскрытой страницей оказался клочок записки, которого вечером она не видела.

«Кошки не умеют читать договоры, но иногда лучше людей определяют, где лежит неправильно оформленная бумага».

Почерк Аглаи.

— Если ты пытаешься помочь мне загадками, получается отвратительно, — сказала Ася.

Барс сел перед пустой миской и посмотрел на неё без малейшего сочувствия.

Она нашла корм в нижнем шкафу, проверила срок годности и насыпала небольшую порцию. Кот приступил к завтраку с видом человека, одержавшего серьёзную юридическую победу. Ася налила воду в чайник и наконец занялась книгой.

В записи Лизы было три даты. Первая — день обращения, восемь месяцев назад. Вторая — день, когда Аглая приостановила заказ. Третья — дата городского взыскания, всего четыре дня назад. Выходило, что Палата объявила чужое желание исполненным почти через год после того, как его хозяйка отказалась принимать решение.

Ася переписала даты, номера документов и шифр из трёх перевёрнутых треугольников. Затем достала письмо, которое Лиза оставила в лавке на время проверки.

Официальный лист выглядел безупречно: герб Сольвинска, серый водяной знак, таблица, три подписи электронных исполнителей. Нигде не было ни конкретной суммы, ни услуги, за которую нужно платить. В графе «стоимость исполнения» стояло: «Распределяется в порядке городского сбора». В графе «согласие заказчика»: «Принято по умолчанию при отсутствии своевременного отказа». Срок отказа истёк

за два месяца до выдачи самого уведомления.

— Очень изящно, — пробормотала Ася. — Сначала истекает срок, потом узнаёшь, что вообще должна была что-то отклонить.

Она достала телефон и позвонила по номеру приёмной Палаты.

Автоматический голос предложил выбрать тему обращения. Ася выбрала «ошибка начисления», затем «исполнение желания», затем «жалоба на договор». После четвёртого сообщения её вернули в главное меню. Когда она наконец попала к живой сотруднице, та сказала, что жалобы принимают только от зарегистрированных владельцев лавок и непосредственно затронутых заказчиков.

— Я владелица лавки, — ответила Ася.

— Назовите номер лицензии.

Ася поискала глазами по документам.

— У меня помещение, зарегистрированное на моё имя, и книга заказов. Старую лицензию Аглаи я пока не нашла.

— Тогда вы не можете подавать жалобу от имени исполнителя.

— Я и не подаю от имени исполнителя. Я хочу понять, почему человеку начислили плату без согласия.

— Для получения разъяснений необходимо прибыть в Палату лично, с документами о статусе лавки.

— А пока человек обязан платить?

— Это зависит от категории обязательства.

— Категория неизвестна. В уведомлении даже цены нет. На другом конце провода помолчали.

— Приезжайте, пожалуйста, — сказала сотрудница уже тише. — И не заключайте новые договоры до проверки.

Ася записала время разговора, фамилию консультанта и адрес приёмной.

Затем обнаружила под входной дверью свежую газету. На первой странице был рисунок городской площади и объявление о фестивале старых ремёсел. Ниже — маленькое предупреждение: «Палата исполнений напоминает: желания, оформленные через частные лавки, должны проходить квартальную сверку». Телефон горячей линии совпадал с тем, на который Ася только что звонила.

Она ощутила знакомую злость. Когда в реставрации заказчик требовал «только подмазать одну трещину», это иногда означало разобрать половину фасада. Здесь за словами «квартальная сверка» скрывалось что-то такое же неудобное.

На улице загудел трамвай. Ася посмотрела на стекло, но витраж в этот раз не светился.

* * *

Тася появилась через полчаса с двумя большими булочками, ещё тёплыми от печи.

— Я не спрашиваю, завтракала ли ты, — сказала она, проходя к прилавку. — Потому что по лицу вижу: нет. Из мастерской в восемь утра не выходят люди с такими кругами

под глазами, если у них есть нормальная еда.

— Я кормила кота.

— Кот не считается тобой.

Тася поставила пакет и осмотрела помещение.

— Ты спала здесь? В комнате наверху?

— Да. Кажется, матрас пережил не меньше трёх эпох истории города.

— Аглая не любила менять вещи, если они ещё выполняли свою функцию. Иногда это было достоинством, иногда — мучением.

Ася налила чай. Тася принесла ещё маленькую банку варенья и поставила её возле чашек.

— Слушай, — начала Ася, — кто у вас здесь чинит старые магнитофоны? Не обычную электронику, а плёнки, которые могут рассыпаться от первого неосторожного движения.

— Фёдор Савин. У него мастерская в здании бывшей радиостанции. Он восстанавливает звук для музеев. Почему?

Ася рассказала о Лизе, стараясь не произносить личных подробностей, которые девушка ей доверила. Сказала только, что речь о семейной записи и незаконном начислении платы.

Тася перестала жевать булочку.

— Опять.

— Что значит «опять»?

— В городе часто жалуются на старые договоры. Но обычно это какие-то мелочи: человек не получил обещанную воз-

возможность, а в отчёте написано, что получил. Или его отказ почему-то не проходит в систему. Аглая спорила с Палатой годами.

— И никто ничего не менял?

— Иногда возвращали деньги. Иногда приносили извинения. А потом правила оставались прежними.

Ася вспомнила слова из письма: «Она не потребует от тебя ничего, чего ты сама не захочешь отдать». Аглая говорила о лавке. Возможно, ей хотелось отделить лавку от учреждения, которое умело требовать за неё плату.

— А кто у них главный?

— Кирилл Воронцов. Он умеет улыбаться так, что даже плохая новость начинает казаться разумным компромиссом. Но ты сначала поговори с простым инспектором. Может, ошибку можно исправить без войны.

Ася откусила булочку. Внутри был тёплый ореховый крем.

— А если инспектор тоже начнёт считать неизвестную цену нормой?

— Тогда у тебя хотя бы будет имя человека, с которым спорить.

Тася посмотрела на часы и вскочила.

— Мне пора. Заказ на свадебный букет. Жених обещал прийти в девять, невеста — в десять, а её мать уже трижды звонила в семь. Если цветам вообще доступно желание, они сегодня должны просить меня уволить всех родственников.

Ася рассмеялась.

— Постарайся не выполнять.

— У меня даже лицензии нет.

Тася ушла, оставив после себя запах мокрых цветов и неожиданно хорошее настроение.

* * *

В здании бывшей радиостанции пахло кофе, пылью и тёплой электроникой.

Фёдор Савин оказался мужчиной лет шестидесяти, с седой бородой и лупой, закреплённой на очках. На столах у него лежали катушки, обрывки магнитной ленты, корпуса магнитофонов и аккуратно подписанные контейнеры. Он выслушал Асю, не перебивая, и первым делом спросил, кому принадлежит запись.

— Лизе Протасовой. Она сама просит её восстановить.

— Вы принесёте её с письменным согласием?

— Да. Я пока хотела узнать, возможно ли это в принципе.

Фёдор отодвинул коробку.

— Возможно многое, но гарантировать ничего нельзя, пока не увидим носитель. Иногда старую плёнку можно склеить и оцифровать, иногда магнитный слой осыпается прямо в руках. Бывает, запись настолько повреждена, что приходится признать: восстановить звук не получится. Но никто не должен обещать человеку голос близкого, если у него нет для этого материала.

Ася улыбнулась. Она впервые услышала за день человека,

который не пытался продать результат заранее.

— Я реставратор витражей, — сказала она. — Понимаю, что значит беречь оригинал.

Фёдор оживился.

— Стекло? Тогда вы поймёте ещё лучше. Иногда ради одной потерянной детали люди готовы заново собрать всю картину так, будто ничего не случилось. А потом оказалось, что самый важный след времени исчез вместе с ремонтом.

Он показал старую запись, где удалось восстановить только половину звука. На экране были волны разной плотности. Сначала звучал голос человека, затем треск, затем пустота.

— Мы сохраняем и пустоту, — сказал он. — Не пытаемся выдумать слова, которых не слышим. Для некоторых семей это важнее гладкой красивой записи.

Ася договорилась, что приведёт Лизу на консультацию. Фёдор назвал стоимость первичной диагностики и объяснил, что от неё можно отказаться до начала работы. Договор показался Асе почти образцовым.

На выходе она задержалась перед витриной, где стоял маленький граммофон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.